

RU

В. Е. Адодуров – теоретик и практик преподавания русского языка как иностранного первой половины XVIII века

Папилова Е. В.

Аннотация. Цель исследования – охарактеризовать практику преподавания русского языка как иностранного в середине XVIII века на примере деятельности члена Петербургской Академии наук, теоретика русского языка В. Е. Адодурова, кто не только стал автором одного из грамматических справочников по русскому языку как иностранному (РКИ) (“Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache”, 1731 г.), но и совмещал научную работу с преподавательской (самой известной его ученицей была немецкая принцесса, будущая Екатерина II). Труд Адодурова, недавно переизданный, стал доступен широкому читателю. Лингвистам он интересен как памятник научной кодификации русского языка первой трети XVIII в. и уже рассматривался в научной литературе с этих позиций. Однако в статье, и в этом заключается ее научная новизна, впервые делается попытка оценить труд Адодурова как пособие по РКИ (каким он и был задуман) и описать методику преподавания Адодуровым русского языка в русле педагогических традиций середины XVIII в. В результате исследования автор статьи приходит к выводу, что пособие, обладая несомненной ценностью как ранняя грамматика русского языка, не проработано как пособие для обучения языку иностранцев, о чем косвенно свидетельствует и то, как русским языком овладела императрица.

EN

V. E. Adodurov – the theorist and practitioner of teaching Russian as a foreign language in the first half of the 18th century

Papilova E. V.

Abstract. This article is devoted to the practice of teaching Russian as a foreign language in the middle of the 18th century. As an example, the activity of Vasily Evdokimovich Adodurov, a member of Petersburg Academy of Sciences and the Russian grammar theorist, is used. Adodurov was not merely a theorist as the author of one of the first written tutorials in Russian as a foreign language (“Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache”, 1731 (“The first bases of the Russian language”)), but he actually taught Russian for the future Empress Catherine II (Catherine the Great) being his most famous student. Adodurov’s work, recently re-published, is widely available. For linguists this work is of interest – first of all as a scientific codification of the Russian language dating back to the first thirty years of the 18th century. However, the scientific novelty of this article consists in the evaluation of Adodurov’s work as a tutorial for teaching Russian as a foreign language, as per its original intent, and the description of Adodurov’s methods of teaching Russian according to the educational traditions in the middle of the 18th century. The author of the article concludes that Adodurov’s work is of great value as an early written Russian language grammar, but at the same time it is not worked out well enough to be a tutorial and the results of Adodurov’s teaching the Empress indirectly testify to this fact.

Введение

Актуальность исследования. В истории преподавания русского языка как иностранного (РКИ) особый интерес представляет вопрос, как происходило обучение иностранцев русскому языку в прошлые столетия: какие пособия использовались, какие методики обучения применялись. Эти вопросы интересуют, по-видимому, всех, кто занимается преподаванием РКИ.

В отечественной науке принято считать (Успенский, 1975, с. 7-8), что первой книгой, системно излагавшей русскую (не церковнославянскую) грамматику для неносителей языка, была “Grammatica Russica” Г. В. Лудольфа, изданная на латыни в Оксфорде в 1696 г. За ней последовал ряд других грамматик иностранных

авторов. Первой грамматикой, написанной русским автором, считается вышедшая в 1730 году анонимная (авторство приписывают И. С. Горлицкому) «Грамматика французская и русская», очень неполная и фрагментарная. Все они были написаны для изучения русского языка иностранцами. Наконец, в 1731 году появилась грамматика “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” («Первые основания российского языка»), составленная одним из первых русских филологов-теоретиков языка В. Е. Адодуровым.

Нелишним будет сказать несколько слов о личности Адодурова. Василий Евдокимович Адодуров (1709-1780) был образованнейшим человеком своего времени. Первый русский адъюнкт Петербургской Академии наук (1733), он до 1743 г. оставался единственным русским, имеющим научную должность в Академии (Саввина, Телкова, 2009, с. 284). Блестяще владея французским, немецким, латынью, он преподавал эти языки (а также математику, историю, географию, риторику) студентам Славяно-греко-латинской академии (в том числе М. В. Ломоносову). Адодуров перевел большое число научных работ профессоров Академии с немецкого и на немецкий. Как отмечалось в научной литературе, огромный преподавательский опыт Адодурова помог ему разработать комплексную методику обучения иностранным языкам, которая включала «обучение языку специальности, говорение, разные виды письма, чтение художественных и научных текстов, филологический разбор и комментирование текста на иностранном языке и многое другое» (Волков, 2014, с. 26).

Этот труд, а также педагогическое наследие В. Е. Адодурова и являются предметом исследования в данной статье. Выбор обусловлен тем, что, во-первых, труд Адодурова относится к числу самых ранних грамматик русского языка «доломоносовского» периода, во-вторых, тем, что сам автор сочетал научное исследование русского языка и его преподавание высокопоставленным лицам иностранного происхождения. Соединение в педагогическом наследии Адодурова теоретической и практической составляющих и обуславливает, наряду с рассматриваемым ранним периодом истории преподавания РКИ, актуальность исследования.

Задачи исследования заключаются, во-первых, в анализе содержания трактата “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” (1731) В. Е. Адодурова, одного из первых пособий по РКИ, и раскрытии особенностей изложения русской грамматики в нем; во-вторых, в характеристике педагогической деятельности В. Е. Адодурова на примере обучения им Екатерины II.

Методы и материалы исследования. Для решения поставленных задач мы обратимся к анализу содержания труда В. Е. Адодурова (его текст сохранился и был переиздан в 2014 году (Василий Евдокимович Адодуров..., 2014)), а также к свидетельствам о педагогической деятельности Адодурова (Гуляров, 2004; Екатерина II, 1907; 1990; Московкин, Шукин, 2013; Пекарский, 1870; Успенский, 1975), самой именитой ученицей которого была императрица Екатерина II.

Практическая значимость работы состоит в том, что она позволяет проследить эволюцию учебных пособий и методических подходов в преподавании РКИ, существовавших в середине XVIII в. Исследование может быть интересно теоретикам и практикам преподавания РКИ тем, что дает возможность углубиться в исторический контекст преподавания русского языка иностранцам.

Обсуждение и результаты

В статье трактат “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” рассматривается с позиций его применимости как пособия по РКИ и анализируются методические основы и результаты педагогической деятельности В. Е. Адодурова. На основе этого анализа делаются выводы о степени разработанности методики преподавания русского языка неносителям в середине XVIII в.

Трактат “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” (1731) В. Е. Адодурова

Трактат “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache”, написанный В. Е. Адодуровым между 1729 и 1731 годами, был без указания автора включен в корпус трехязычного словаря – «Немецко-латинского и русского лексикона», подготовленного в Петербургской Академии наук по указу ее президента Л. Л. Блюментроста (основой «Лексикона» послужил “Lexicon bipartitum Latino-Germanicum et Germanico-Latinum” (Штутгарт, 1673 г.) Эриха Вейсмanna, так называемый «Вейсманнов Лексикон»). Это издание впервые поставило русский язык в один ряд с главными языками европейской культуры и просвещения (помимо французского) – латынью и немецким.

Грамматический справочник написан русским Адодуровым по-немецки. Это не случайно. Во-первых, в условиях, когда в Петербургской Академии наук большинство профессоров были из Германии, именно немецкий был *lingua franca* этого международного коллектива. Во-вторых, «Лексикон» был ориентирован преимущественно на иностранного читателя, и включенные в него «Первые основания российского языка» были призваны служить «базовым пособием по русской грамматике для иностранцев» (Волков, Карева, Филиппов, 2014, с. 12).

Трактат В. Е. Адодурова совершенно не похож на современные пособия по РКИ. Он не содержит текстов для чтения, заданий, упражнений, но только последовательное изложение русской грамматики. Работа состоит из 11 глав: первая посвящена фонетике, последняя – синтаксису, а главы со второй по десятую – морфологии. Адодуров не только описывает современную ему грамматику, но и предлагает пути ее реформирования: призывает ориентировать русский литературный язык на устную речь, ограничить употребление церковнославянизмов, вносит новаторские предложения, многие из которых будут осуществлены годы и даже столетия спустя (отказ от буквы Ъ (er), устранение формы двойственного числа, формы звательного падежа и др.). Исследователь истории Императорской Академии наук П. П. Пекарский (1870, с. 507) утверждал, что созданную Адодуровым грамматику позже использовал при написании своей «Российской грамматики» сам М. В. Ломоносов.

Написанный в популярном в эпоху Просвещения жанре «первых оснований», трактат В. Е. Адодурова предназначался для начинающих изучать русский язык. Овладевшим же им в достаточной степени следовало перейти к пополнению лексического запаса путем чтения книг на изучаемом языке или практиковаться с носителем языка.

**Изложение русской грамматики
в трактате “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” (1731) В. Е. Адодурова**

Обратимся к методическим аспектам изучения русского языка, заложенным В. Е. Адодуровым. Для этого проанализируем по главам содержание его пособия “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache”. Главу 1 автор начинает с русского алфавита. Он состоит из 41 буквы: 10 гласных, 25 согласных, 3 дифтонга (Ѣ, Ю, Я) и 2 присоединительных гласных (Ь, Ъ). Описывается, как нужно правильно произносить каждую букву, даются примеры схожего произношения в немецком языке. Буква Щ названа самой трудной для иностранцев в плане произношения, а буква Ы – гласной, свойственной исключительно русскому языку. Указывается, что правило делить буквы на большие и малые свойственно и русскому алфавиту, но соблюдается оно редко – только теми, кто склонен к аккуратности. В алфавитном порядке приводится список наиболее распространенных сокращений с их полной формой и переводом на немецкий (например, *а́нгѣль* (ангел)).

В главе 2 выделяются восемь частей речи (имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, междометие). Из них первые четыре названы изменяемыми (они склоняются и спрягаются), а последние четыре – неизменяемыми. Имя, по Адодурову, может быть двух видов – существительное (собственные и нарицательные существительные) и прилагательное. Первое указывает на саму вещь, второе – на ее свойство. Применительно к имени использованы категории рода, числа, падежа, склонения. Выделяются четыре рода: мужской, женский, средний и общий, к последнему отнесены те существительные, которые имеют только форму множественного числа (*штаны, вилы*). Поясняется, как по окончанию слова можно определить его род.

Автор описывает окончания прилагательных единственного числа в зависимости от рода. Указывает, что при использовании прилагательного в качестве предиката его окончание сокращается (речь идет о краткой форме прилагательных): *святъ, свята, свято*. Подмечено наличие «беглых» гласных: *долгии – дологъ, низкии – низокъ*. Утверждается, что во множественном числе все прилагательные имеют одинаковые окончания и, соответственно, общий род. Адодуров указывает на наличие трех степеней сравнения прилагательных и разъясняет, при помощи каких флексий и слов образуются 2-я и 3-я степени.

Помимо единственного и множественного чисел, выделяется двойственное, характерное для церковнославянского и в современном автору русском языке постепенно исчезающее. Называются семь падежей (традиционные шесть и звательный). Отмечается, что Тв. п. отвечает на вопросы *чем? с помощью чего? как? (пером) или когда? в какое время? (ночью, летом)*, Предл. п. используется при вопросе *о чем? о ком? (о Петре, Павле)*, а остальные падежи имеют такое же назначение, как в немецком.

В главе 3 («О склонениях») автор выделяет пять типов склонения: первые четыре – для существительных, пятое – для прилагательных. К первому склонению относятся слова женского рода на -а, -я; ко второму – слова на -ъ, -е, -о, -мя. При этом делается ценное замечание, что у слов мужского рода на -ъ винительный падеж совпадает с родительным, если они обозначают живые существа, и винительный совпадает с именительным, если они обозначают неодушевленные предметы. К третьему типу склонения отнесены слова женского рода на -ь; к четвертому – слова мужского рода на -ь и -й, среднего рода на -іе, для них также актуально правило о совпадении форм одушевленных/неодушевленных существительных. Отдельный параграф посвящен тому, к какому типу склонения следует относить заимствованные из других языков слова. К пятому склонению Адодуров причисляет прилагательные всех родов и чисел. К каждому типу склонения даются таблицы с примерами. Исключения, дополнения, пояснения, примеры «нерегулярного» склонения занимают весомую часть этой главы.

В той же главе 3 автор касается числительных, выделяя количественные, порядковые и кратные (ответчающие на вопрос *сколько раз?*). Все количественные числительные имеют общий род и одно окончание, кроме числительных «один» (три окончания) и «два» (два окончания). К кратным числительным относятся слова *единачий/одинакий, двоякий/двойный, тroyакий/тройный* и т. д. Рассмотрено склонение слова «оба». В конце главы речь идет о «составных» именах, они могут состоять из сущ. + сущ. (богоненавистник), прил. + прил. (старозаконный), прил. + сущ. (старозаконник).

Глава 4 посвящена местоимениям. Выделяются личные, притяжательные, указательные, вопросительные, относительные (*который, кой, некоторый, некакий, какой, никакой, всякий, каждый*), возвратное (*себя*) местоимения, приводятся парадигмы их склонения. Заостряется внимание на том, что местоимение «свой», в зависимости от глагола, с которым оно употребляется, может быть и 1-го, и 2-го, и 3-го лица: *я своими глазами видел, ты свои деньги заплатил, он своею рукою подписал*.

В главе 5, посвященной глаголу, выделяются два его типа – личный и неличный (к последнему отнесены те, которые в обоих числах 1-го и 2-го лица, а иногда и 3-го лица, не имеют множественного числа, например: *надлежит, подобает*). Такая важная категория русского глагола, как вид, В. Е. Адодуровым не анализируется (научное освещение категории вида положено лишь в начале XIX в.). Разграничены действительный и страдательный залоги, к ним добавлены средний залог (к нему относятся глаголы, с которыми не связаны ни действие, ни «страдание» (имеется в виду внешнее воздействие, обозначаемое пассивным глаголом) и которые не способны принимать слог «ся» как явный признак страдательного залога: *стою, сижу*) и отложительный залог (к нему относятся глаголы, по форме совпадающие со страдательным залогом, но их значение

равно значению либо действительного, либо среднего залогов: *боюся, сержуся*). Страдательные и отложительные глаголы предлагается отличать таким способом: после отбрасывания слога «ся» страдательные получают значение действительного залога, а отложительные становятся пустым набором букв.

Все глаголы В. Е. Адодуров делит на простые и производные (образованные от простых при помощи приставок). Выделяет два типа спряжения: к первому относятся глаголы с окончанием инфинитива на -ать, -ять, -еть, -уть, ко второму – на -ить. Объясняет, как образуются формы настоящего, прошедшего, будущего времени. Выделяет изъявительное, повелительное, сослагательное наклонения, в один ряд с которыми поставлен инфинитив. Указывает, что в качестве сослагательного наклонения русские используют форму прошедшего времени изъявительного наклонения со словом «бы»: *когда бы мне можно было, я бы конечно пришел*. Утверждается, что русский язык, в отличие от немецкого, не имеет ни перфекта, ни плюсквамперфекта, но чтобы выразить их значение, добавляют наречие «недавно» (*nicht längst*) для перфекта и «давно» (*längst*) для плюсквамперфекта (*ich hab nicht längst gelesen* (я недавно прочитал); *ich hatte längst gelesen* (я давно прочитал)). Для закрепления материала приводятся таблицы спряжения глаголов, особое внимание уделено парадигме спряжения «вспомогательных» глаголов «быть» и «иметь» во всех трех временах.

Главы 6-10 весьма кратки. В 6-й – «О причастии» – рассматривается склонение причастий (они, как и прилагательные, имеют три рода и склоняются как прилагательные).

Наречия (глава 7) названы неизменяемой частью речи. Выделяются наречия места, времени, числа (*однажды, многожды...*), количества (*много, мало...*), качества (*худо, хорошо...*), утверждения (*да, так, право...*), отрицания (*нет, никак, никогда...*), вопроса (*для чего?, как?, так ли?*) и сомнения (*может быть, вослебо*).

О предлогах (глава 8) сказано, что они управляют пятью падежами (всеми, кроме именительного и звательного), при этом одни предлоги управляют одним падежом, а другие – двумя падежами. Автор характеризует каждый предлог, указывая, каким падежом он управляет.

В главе 9 («О союзах») выделены следующие их виды: соединительные (*и, также, как, так, то есть*), разделительные (*или, либо, но*), условные (*если, буде, разве*), уступительные (*хотя, правда*), противительные (*да, лих, однакож, однако, но, понеже*), причинные (*ибо, чтоб, понеже*), обобщающие (*то, так, убо, инѣ*).

Междометия (глава 10) определены как слова, с помощью которых можно выразить душевные порывы (*ба, ох, ах, эй, ой, ха-ха-ха*).

Синтаксис (глава 11) понимается автором как учение о том, «как следует правильно составлять речь» (Василий Евдокимович Адодуров..., 2014, с. 181). Этот раздел содержит двенадцать параграфов, в которых излагаются правила орфографии.

Заканчивая обзор пособия “*Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache*”, отметим, что оно четко структурировано: разбито на главы, параграфы, пронумерованные комментарии, снабжено примерами, таблицами местоимений, парадигмами склонения, спряжения и т. д.

Педагогическая деятельность В. Е. Адодурова (на примере обучения русскому языку Екатерины II)

В. Е. Адодуров не только первым среди русских авторов (не считая И. С. Горлицкого) создал грамматику, предназначенную для обучения РКИ, но также практиковал преподавание русского языка как иностранного. Некоторые исследователи приписывают ему занятия русским языком с Леонардом Эйлером (Милославская, 2012, с. 244) – великим швейцарским математиком, для кого Россия стала второй родиной. Указания на то, что Эйлер владел русским языком и использовал его в переписке с коллегами, есть и у П. П. Пекарского (1870, с. 258).

Самой именитой ученицей В. Е. Адодурова была приехавшая в феврале 1744 года в Россию 14-летняя София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, невеста наследника трона Петра III, будущая Екатерина II Великая (Пекарский, 1870, с. 513).

По прибытии в Россию немецкой принцессе были назначены три учителя: один (иеромонах Симон Тодорский) наставлял ее в православной вере, второй – в танцах, а учителем русского языка стал Василий Евдокимович Адодуров. Тот факт, что из всей Академии наук именно Адодуров был выбран «наставником русского языка» немецкой принцессы (Пекарский, 1870, с. 513), говорит о том, что он пользовался авторитетом современников как знаток русского языка и опытный преподаватель. Заметим, что выбор в пользу Адодурова был сделан даже в обход назначенного к принцессе законоучителем Симона Тодорского, который с 1729 года по 1737 год преподавал русский язык в университете немецкого города Галле (Саксония) (Московкин, Щукин, 2013, с. 26), т. е. имел уже огромный опыт работы с иностранной аудиторией.

Рассмотрим методику преподавания русского языка В. Е. Адодуровым. Оговоримся, что в XVIII веке никаких учебных программ, описывающих содержание обучения, еще не было, и наши выводы основаны главным образом на анализе учебников русского языка того периода и воспоминаниях самой Екатерины II и ее современников. Даже учебные тетради принцессы, которые могли бы дать ценнейший материал для исследования данной темы, к сожалению, до сих пор не найдены в архивах.

Важнейший фактор работы преподавателя – наличие учебных пособий. Логично предположить, что в работе В. Е. Адодуров использовал свой собственный трактат “*Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache*”, хотя документальных подтверждений этого не сохранилось. К 1744 году в России были и другие (печатные и рукописные) учебники по РКИ. Среди них – упоминавшаяся выше “*Grammatica Russica*” Г. В. Лудольфа (1696) на латыни, грамматики И. Э. Глюка (1704), М. Шванвица (1731) на немецком языке, учебник И. В. Паузе “*Anweisung zur Erlehnung der Slavonisch-Russische Sprache zum Nutzen sonderlich der teutschen Nation aufgesetzt*” 1729 г.

(«Руководство к изучению славяно-русского языка, составленное главным образом для нужд немецкой нации»), а также учебник анонимного автора (предположительно И. С. Горлицкого) «Грамматика французская и русская» (1730) (приехавшая в Россию принцесса уже владела французским языком и могла им пользоваться) (Московкин, Шукин, 2013, с. 29, 41). Все эти пособия были рассчитаны на обучение русскому языку иностранцев (понимание того, что преподавание языка его носителям и неносителям – в корне методически различно, было уже в начале XVIII века, в связи с чем и учебники – для обучения русских и иностранцев – были разными).

Названные пособия следовали описательной традиции грамматик латинского, древнегреческого и других европейских языков. Сначала обучавшиеся должны были познакомиться с морфологией (последовательно изучались существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие и т. д.), затем с синтаксисом; дополнительно объяснялись правила орфографии и просодии. Пособия дополнялись диалогами на бытовые темы («разговорами»), реже – небольшим списком наиболее употребляемых слов (Московкин, Шукин, 2013, с. 29-30). В распоряжении ученика и учителя были и словари – двух- и трехязычные. Для облегчения запоминания создавались специальные словари: номенклаторы и целлари. Номенклаторы были организованы по тематическому принципу, а целлари содержали гнезда однокоренных слов (Московкин, Шукин, 2013, с. 49). Для отработки навыков устной речи использовались разговорники. На начальном этапе ученикам предлагались диалоги на бытовые и учебные темы, на более продвинутом – диалоги нравственного характера (о добродетели, о страхе Божиим и пр.) (Московкин, Шукин, 2013, с. 49). Так называемые «письмовники» были призваны обучить письму. Они содержали шаблоны частных и деловых писем. Первый письмовник – «Приклады како пишутся комплементы разные на немецком языке» – был в 1708 году переведен с немецкого языка М. П. Шафировым (Московкин, Шукин, 2013, с. 50).

Таким образом, можно сделать вывод, что в начале XVIII века обучающиеся русскому языку иностранцы были вполне обеспечены учебными пособиями и словарями.

Перейдем к методике обучения В. Е. Адодурова. В ее основу был положен принцип непрерывности: занятия проводились на ежедневной основе. Об этом свидетельствует статья в «Санкт-Петербургских ведомостях» тех лет, где было напечатано: «*Молодая принцесса показывает великую охоту к знанию русского языка и на изучение его ежедневно по несколько часов употреблять изволят*» (Цит. по: Брикнер, 1991, с. 36). По-видимому, Адодуров каждый день являлся во дворец и проводил там по несколько часов.

Главной целью обучения было практическое овладение русским языком. Как пишут Л. В. Московкин и А. Н. Шукин (2013, с. 31-33, 47-48; Шукин, 2013, с. 109-110), методике преподавания РКИ в XVIII в. была свойственна следующая модель: на начальном этапе предлагалось последовательно изучать буквы, звуки, слова, грамматические правила, практиковаться в чтении и переводе текстов. Правильным считалось заучивать слова, группируя их по тематическому и словообразовательному (гнездовому) принципам. Заучивались не только слова, но целые предложения и «образцовые» тексты. Уже тогда зародилось понятие «навык» (в использование входит слово «навыкнуть» – приобрести навык, научиться, натереть) применительно к формированию речевых навыков. Особое значение придавалось навыку правильного произношения, в связи с чем систематически практиковалось выразительное чтение учениками вслух. Сам термин «чтение» понимался как чтение именно вслух, при этом главным было не понимание текста, а правильное его произношение. Грамматические правила заучивались наизусть вместе с примерами, после чего ученику предлагалось по аналогии выстраивать парадигмы склонения и спряжения новых слов (фактически это было единственным видом задания, известным педагогам того времени, за исключением задания на перевод). Устной речи обучали на примере диалогов, письменной – на образцах писем. Главным способом усвоения учебного материала было заучивание наизусть, причем заучивались не только образцы текста, но и целые диалоги, параграфы из учебника грамматики. Зачастую заучивание было механическим, неосмысленным, тем, что называется зубрежкой. Таким оно сохранялось очень долго, даже в начале XX века: «*Учение велось вдолбляшку, задавалось выучить отсюда досюда, и ученик должен был вызубрить заданный урок дословно*» (Шперк, 1905, с. 11). В качестве текстов для чтения, перевода и анализа предлагались отрывки из исторических трактатов (например, «История Александра Великого» Квинта Курция, «Древняя российская история» М. В. Ломоносова) и художественных произведений (М. В. Ломоносова, А. Д. Кантемира, А. Г. Сумарокова, М. М. Хераскова), что способствовало усвоению учащимися страноведческого материала.

Следуя современной ему методической традиции, В. Е. Адодуров составлял для немецкой принцессы фразы и диалоги, которые она должна была выучить наизусть (Московкин, Шукин, 2013, с. 47). Это подтверждается воспоминаниями самой Екатерины II: «*Чтобы сделать более быстрые успехи в русском языке, я вставляла ночью с постели и, пока все спали, заучивала наизусть тетради, которые оставлял мне Адодуров*» (1990, с. 10). Еще красноречивее об этом говорит следующая цитата из мемуаров императрицы: «*По-русски я учила наизусть, как попугай*» (Екатерина II, 1907, с. 44).

Исследователи подчеркивают старание, с каким девушка взялась за освоение нового языка: «*Как усердно Екатерина занималась русским языком, вставая рано и читая русские книги еще в постели, известно по преданию и подтверждается ее записками*» (Грот, 1875, с. 119).

Через четыре месяца после прибытия, 28 июня 1744 года, немецкая принцесса приняла православие. Церемония требовала прочтения ею наизусть молитвы «Символ веры». Как отмечалось выше, зазубривание текстов наизусть, зачастую без понимания их смысла, было вполне в духе методики преподавания иностранного языка того времени. Неудивительно, что этот принцип сработал и в том, как принцесса выучила

текст молитвы. Екатерина вспоминала: *«В присутствии неисчислимой толпы народа я прочла на русском языке, которого даже не понимала, очень бегло и с безукоризненным произношением 50 листов в четвертку, после чего прочла наизусть “Символ веры”»* (Цит. по: Гуляров, 2004, с. 28).

Значимо, что императрица не без гордости говорит о своем «безукоризненном» произношении. Как отмечалось выше, главный акцент в обучении чтению делался на правильном произношении, а не на понимании читаемого. Хорошее произношение было предметом гордости, свидетельством успешного усвоения языка, уверенности говорящего в своих знаниях. Отличный «выговор» Екатерины отметила и присутствовавшая при этом мать принцессы: *«Она (Екатерина. – Е. П.) прочла исповедание твердым и ясным голосом и, удивляя всех своим выговором (русского языка), произнесла все части, не запнувшись ни на одном слоге. На вопросы она отвечала с уверенностью и твердостью. С тех пор как вошла в церковь и во все время обряда она держала себя с таким достоинством и грацией, что я восхищалась бы ею, если б не была ее матерью»* (Цит. по: Грот, 1875, с. 118).

Заметим в скобках, что при подготовке к церемонии принятия крещения законоучитель принцессы, Симон Тодорский, настаивал на украинской (малоросской) манере чтения, а В. Е. Адодуров – на великорусской, и последний одержал верх (Успенский, 1975, с. 90). По этому поводу О. В. Никитин (2009, с. 106) иронизирует, что, возможно, если бы не Адодуров, будущая императрица лучше бы говорила по-украински, чем по-русски.

В отличие от умения правильно произносить, навык письменной речи осваивался Екатериной медленнее – возможно, потому что Адодуров не относил его к числу первостепенных. Желая угодить Елизавете Петровне, Екатерина хотела писать ей письма по-русски. Однако в течение не менее чем первого года своего пребывания в России она делала это при помощи Адодурова, который полностью сочинял эти письма сам. Этому есть свидетельства. Через год после назначения ей учителя, 10 февраля 1745 года, на обеде в честь дня рождения будущего супруга Екатерины, Петра III, императрица Елизавета Петровна похвалила ее успехи в русском языке: *«Она (Елизавета Петровна. – Е. П.) мне сказала, что русские письма, которые я ей писала в Хотилово, доставили ей большое удовольствие (по правде сказать, они были сочинены Адодуровым, но я их собственноручно переписала) и что она знает, как я стараюсь изучить местный язык. Она стала говорить со мною по-русски и пожелала, чтобы я отвечала ей на этом языке, что я и сделала, и тогда ей угодно было похвалить мое хорошее произношение»* (Екатерина II, 1990, с. 31). Практика написания писем за ученицу, неверная с методических позиций, свидетельствует о том, что акцент в обучении русскому языку делался явно не на развитии навыков письма. Возможно, это упущение можно связать и с желанием Адодурова выслужиться перед императорской фамилией.

Многие из иностранных гостей, бывших при дворе императрицы Екатерины II, отмечали отличное владение ею русским языком. Так, английский посланник Уильямс писал в 1755 году: *«Как только она приехала сюда, то начала стараться всеми средствами приобрести любовь русских. Она очень прилежно училась их языку и теперь говорит на нем в совершенстве (как говорят мне сами русские)»* (Цит. по: Брикнер, 1991, с. 55-56).

Но говорила ли Екатерина в самом деле хорошо по-русски? Вряд ли стоит доверять мнению англичанина, тем более что свидетельства русских людей говорят о том, что Екатерина до конца жизни говорила по-русски с акцентом, *«как по-французски, так и по-русски писала неправильно, хотя умно и своеобразно. Храповицкий часто поправлял ее русское письмо, а граф Шувалов – французское»*, – писал М. И. Пыляев (1889, с. 189).

Обратимся к другим свидетельствам. *«Судя по собственноручным рукописям, во множестве сохранившимся после Екатерины, – читаем у П. П. Пекарского (1870, с. 513), – не трудно убедиться, что она, под руководством Адодурова, не успела ознакомиться с теорией русского языка»*. Приведем еще одно свидетельство: *«Из всего, что Екатерина писала по-русски, – сообщал Я. К. Грот (1875, с. 119), – видно, что она действительно усвоила себе дух языка, знала его идиомы и к стати пользовалась простонародными поговорками, но ее орфография и вся грамматическая часть не говорят в пользу ее учителя. Впрочем, не надобно, конечно, забывать, что даже родного, т. е. немецкого языка ей не преподавали теоретически, что, следовательно, основания общей грамматики остались ей совершенно неизвестны, и что при таком условии невозможно было научиться правильному употреблению трудного и по своим формам совершенно нового для нее чужеземного языка»*. Впрочем, и сама Екатерина осознавала этот пробел в своем образовании и на слова похвалы учености в свой адрес отвечала, что *«в ней можно найти много пищи для критики»*, например, то, что она *«поминутно делает ошибки в языке и правописании»* (Грот, 1875, с. 119-120).

Заметим, что наряду с грамматическими «неправильностями» в устной и письменной речи императрицы большинство исследователей отмечали своеобразие, метафоричность ее речи, изобилие в ней пословиц и поговорок. Современная исследовательница письменного наследия Екатерины II подтверждает это, выделяя среди основных характеристик речи императрицы такие, как метафоризация слов, лингвокреативность, использование разнообразных художественных средств языка (неожиданных сравнений, эпитетов, олицетворений), специфические способы словообразования, окказиональные неологизмы (Никитина, 2014, с. 95). Близость языка императрицы простонародному стилю (ее любовь к пословицам, поговоркам, словотворчеству) можно объяснить тем, что в не меньшей степени, чем от Адодурова, она училась русскому языку от своих многочисленных русских горничных, которые *«не знали никакого языка, кроме своего родного»* (Крючкова, 2009, с. 58).

Подводя итоги педагогической деятельности В. Е. Адодурова по обучению Екатерины II русскому языку, отметим, что процесс обучения велся им в русле традиций, устоявшихся к середине XVIII в. (заучивание фраз, диалогов, целых текстов, зазубривание зачастую без понимания смысла, особое внимание уделялось правильному произношению, в меньшей мере – навыкам письменной речи). Имевшиеся учебные пособия содержали академически изложенную русскую грамматику, некоторое количество диалогов и текстов для чтения, но их

главным недостатком было отсутствие упражнений на закрепление грамматического материала, за исключением заданий на выстраивание парадигм склонения/спряжения. Как результат, задача обучить немецкую принцессу удалась Адодурову не в полной мере: императрица овладела языком и весьма успешно пользовалась им, но делала это, допуская множество ошибок. Полагаем, большему успеху могло бы способствовать наличие пособий, разработанных в другом методическом ключе (направленных на усвоение учащимися грамматических норм путем их отработки на материале специально разработанных упражнений), но в начале XVIII века таковых еще не существовало.

Заключение

Проанализированный материал позволяет нам сделать вывод о том, что преподавание русского языка как иностранного в первой половине XVIII века еще не располагало достаточной методической базой. Трактат В. Е. Адодурова “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” (как и подобные труды этого же периода) представлял собой научную кодификацию русского языка, что, несомненно, было большим прорывом в развитии филологической науки, о чем свидетельствует и тот факт, что в 1750 году трактат Адодурова был переведен на шведский язык и издан в Стокгольме М. Гренингом. Вместе с тем этот труд нельзя назвать полноценным пособием по РКИ. С одной стороны, он, написанный по-немецки и содержащий незначительное количество пояснений, необходимых исключительно иностранным учащимся, но не носителям языка (например, пояснение произношения букв), несомненно, предназначался именно для обучения иностранцев русскому языку. С другой стороны, в нем нет необходимого для успешного усвоения иностранного языка компонента: заданий и упражнений, зачастую типовых, направленных на закрепление норм грамматики и усвоение устойчивых речевых клише. Обилие грамматических ошибок в речи Екатерины II свидетельствует о том, что именно обучение грамматике в первой половине XVIII века еще не было методически разработано.

Перспективы дальнейшего исследования. Изучению методики преподавания РКИ в середине XVIII в. мог бы поспособствовать анализ учебных тетрадей Екатерины II, если бы таковые были найдены в архивах (точных данных о том, что они не сохранились, нет). Кроме того, было бы интересно рассмотреть опыт обучения русскому языку других высокопоставленных иностранцев того времени, прежде всего ученых – Л. Эйлера, Г. В. Лейбница и т. д.

Источники | References

1. Брикнер А. Г. История Екатерины II. М.: Современник, 1991.
2. Василий Евдокимович Адодуров: “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” или «Первые основания русского языка» / отв. ред. К. А. Филиппов, С. С. Волков. СПб.: Наука; Нестор-история, 2014.
3. Волков С. С. В. Е. Адодуров: несколько дополнительных замечаний к традиционной биографии // Василий Евдокимович Адодуров: “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” или «Первые основания русского языка» / отв. ред. К. А. Филиппов, С. С. Волков. СПб.: Наука; Нестор-история, 2014.
4. Волков С. С., Карева Н. В., Филиппов К. А. “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” В. Е. Адодурова // Василий Евдокимович Адодуров: “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” или «Первые основания русского языка» / отв. ред. К. А. Филиппов, С. С. Волков. СПб.: Наука; Нестор-история, 2014.
5. Грот Я. К. Воспитание Екатерины II // Древняя и новая Россия. 1875. № 2.
6. Гусляров Е. Н. Екатерина II в жизни. М.: Олма-Пресс, 2004.
7. Екатерина II. Записки императрицы Екатерины Второй. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907.
8. Екатерина II. Сочинения Екатерины II. М.: Советская Россия, 1990.
9. Крючкова М. А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009.
10. Милославская С. К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. М.: Флинта; Наука, 2012.
11. Московкин Л. В., Шукин А. Н. История методики обучения русскому языку как иностранному. М.: Русский язык. Курсы, 2013.
12. Никитин О. В. Василий Евдокимович Адодуров (к 300-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2009. № 5.
13. Никитина А. Ю. Языковая личность Екатерины Второй: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2014.
14. Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге: в 2-х т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1870. Т. 1.
15. Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб.: А. С. Суворин, 1889.
16. Саввина О. А., Телкова В. А. Василий Евдокимович Адодуров – первый русский адъюнкт Академии (к 285-летию создания Петербургской Академии наук и 300-летию со дня рождения В. Е. Адодурова) // Philologos. 2009. № 1-2 (5).
17. Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. М.: Наука, 1975.
18. Шперк Ф. Ф. Краткий очерк народного образования в городе Архангельске. Архангельск: Губернская типография, 1905.
19. Шукин А. Н. Методы обучения в истории преподавания русского языка как иностранного (теория и практика) // Обучение иностранным языкам. 2013. Т. 40. № 1.

Информация об авторах | Author information**RU****Папилова Елена Вячеславовна¹**, к. филол. н.¹ Российский государственный университет нефти и газа

(национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина, г. Москва

EN**Papilova Elena Vyacheslavovna¹**, PhD¹ Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Moscow¹ llennochka@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 02.04.2023; опубликовано (published): 19.05.2023.

Ключевые слова (keywords): В. Е. Адодуров; ранняя грамматика русского языка; обучение русскому как иностранному в середине XVIII в.; научная кодификация русского языка первой трети XVIII века; V. E. Adodurov; early Russian language grammar; teaching Russian as a foreign language in the middle of the 18th century; scientific codification of the Russian language of the first thirty years of the 18th century.